

НОРМЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В СЕВЕРНОЙ КАРЕЛИИ КОНЦА XVIII ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА ОБ ОГРАБЛЕНИИ ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВИ В ШВЕДСКО-КАРЕЛЬСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ¹

Суслова Евгения Дмитриевна

Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина 33,
185910, Петрозаводск, Россия;

кандидат исторических наук
специалист Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК)
преподаватель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений
Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ.
evgenia.suslova@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению судебного разбирательства о краже крестьянами Ребольского погоста, отправившимися весной 1774 г. на заработки в Швецию, посуды и тканей из лютеранской кирки. Содержащие подробные выписки из рапортов канцеляристов, поручиков и старост протоколы канцелярии пригорода Паданска, сохранившиеся в Национальном архиве Республики Карелия, позволяют восстановить ход ведения дела, отношение к факту кражи локального сообщества и местной администрации с обеих сторон русско-шведской границы.

Анализ допросных речей старост и обвиняемых свидетельствует о том, что несмотря на устрожение властями норм, регулировавших пропуск за рубеж, граница в середине 1770-х гг. оставалась открытой. Особую роль в разрешении конфликта сыграли сами жители окрестных — Панозерского, Ругозерского и Ребольского — погостов, заинтересованные в сохранении добрососедских отношений с соседним государством, куда они отправлялись на промысел и для торговли товарами из северо-западных и центральный областей Российской Империи.

Ключевые слова: XVIII в.; Ребольский погост; Карелия; Швеция; Российская империя; приграничье; государственная граница; таможня; зарубежная торговля; кража; лютеранская кирка; история повседневности, социальная история

¹ Исследование выполняется в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (ГБТ № 653-14), в ходе реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг. и при поддержке РГНФ (проект № 13-31-01225а2)

В фонде 652 «Канцелярия пригорода Паданска» Национального архива Республики Карелия сохранилась документация о розыске воров, укравших в Швеции серебряную посуду и ткани из протестантской кирки весной 1774 г. Обвиняемые, так же как и другие лица, участвовавшие в урегулировании житейской ситуации, проживали в пограничной области, часть которой находилась под юрисдикцией Российской Империи, а другая — Шведского королевства. На протяжении многих десятилетий местное население вырабатывало собственные практики решения разнообразных конфликтных ситуаций, тем самым стремясь обезопасить себя от любых непредвиденных обстоятельств, особенно в период военных действий. Однако шедшая из глубины веков традиция развивалась и превращалась в норму не только в военное, но и в мирное время. Всестороннее изучение отношений, складывавшихся до и после совершения кражи между местными крестьянами, представителями шведских и российских властей, представляет уникальную возможность для реконструкции повседневной жизни российско-шведского приграничья в мирное время между войнами 1741—1743 и 1788—1790 гг.

Источники

Сведения о ведении розыска преступников выявлены в протоколах заседаний канцелярии пригорода Паданска. Всего состоялось восемь заседаний — три в 1774 г. (9 и 20 августа, 28 ноября) и пять — в 1775 г. (6 и 14 февраля, 28 и 30 марта, 4 апреля). В протоколы включены выписки из рапортов, представлявшихся в канцелярию ее служителями и земским старостой Ребольского погоста Иваном Фотеевым, допросные речи местных крестьян — «приличившихся в краже», «караульных» и получивших письма от «шведских камандиров». Рассматривая всю получаемую документацию, канцелярия во главе с комиссаром порутчиком Василием Нечаевым выносила те или иные резолюции. Протоколы расположены в хронологическом порядке, нередко вперемежку с протоколами заседаний, посвященных решению других вопросов, и записаны мелким ровным почерком на шестнадцати листах.

Дело о поимке воров, укравших имущество из лютеранской кирки, вскоре было передано для вынесения окончательного решения в олонецкую провинциальную канцелярию. Его черновик на 62-х листах хранился в Паданске, в то время как беловик отправили в апреле 1775 г. в Олонец. Сохранившийся черновик дела содержит подготовленный служащими канцелярии пригорода Паданска и записанный размашистым почерком «Экстракт» — связный текст, состоящий из выписок разнообразных документов, на основании которых принимались соответствующие резолюции.

На заработках в Швеции: обстоятельства кражи

Из четырех воров трое были пойманы и допрошены в июле-ноябре 1774 г. Их показания не противоречили друг другу. В частности, все они свидетельствовали, что за полгода до кражи находились «за шведской границою» для своего «прокормления работою» [3; 5, 22]. Один из них — уроженец деревни Лувозеро Ребольского погоста Савин Пиминов указал, что «отлучился... в граничащую с тем Ребольским погостом Шведскую нацю» в декабре 1773 г. и «по прибытии имел жилище у шведских обывателей, кормился черною работою» [3; 23]. Вскоре, согласно его заявлению, он «пробрался той же нацю в местечко Гаулавала, где у шведского пастора имел жительство и работал портное мастерство» [3; 23]. Из допросных речей ясно, что проживая в домах местных обывателей и принимая заказы на пошив одеды, Савин Пиминов говорил на понятном для заказчиков языке. Более того, различие в вероисповедании не являлось для него каким-то непреодолимым обстоятельством, мешаю-

щим работать на шведского пастора. Лояльно относясь к лютеранской церкви, лувозерец не забывал веры отцов. Об этом говорит хотя бы тот факт, что совершив воровство и боясь возможной поимки, он все же вернулся к 26 июля 1774 г. «в свой Ребольский погост деревню Оляярви, состоящую от ево жилища в девяносте верстах, к празднику Святых Апостол Пера и Павла» [3; 23].

Два других вора — жители деревни Перти губа того же Ребольского погоста Григорий и Михаил Никифоровы — появились «за шведской границою в местечке в Годушеве острое для портного мастерства» между апрелем-июлем 1774 г. [3; 5]. Братья уверяли власти в своих допросных речах, что пришли в королевство «з данным им из олонецкой юшкозерской пограничной таможни для проходу во оную билетом» [3; 5—6].

Братья Никифоровы указывали, что, находясь в местечке Ловушев остров (в протоколе допроса Григория Никифорова — «Годушев остров»), «сошлись» с государственным крестьянином деревни Алозеро того же Ребольского погоста Фролом Никитиным. Последний проживал в доме у шведского солдата, имени которого братья не могли вспомнить [3; 5]. Они подчеркивали, что именно алозерец «стал звать» их «сыскать... бывшаго в то время за той границой... Савина Пиминова» [3; 6]. Складывалось впечатление, что Фрол Никитин был лично знаком с Савином Пиминовым. Однако сам Савин Пиминов всячески подчеркивал, что как братья Никифоровы, так и Фрол Никитин, были для него «неведомые люди», называвшими себя его одноземцами — крестьянами Ребольского погоста — и объявившими, «что... портной работы ищут» [3; 23].

Разыскав Савина Пиминова в доме у шведского пастора и «переначевав» у него, пришельцы «назавтре купили вина» и, со слов Савина Пиминова, «напившись допьяна, стали ево просить, чтоб он с ними вступил в товарищество как он то же портное мастерство имеет, на что он и согласился» [3; 23]. При этом в своих свидетельских показаниях Савин Пиминов и братья Никифоровы отметили, что поведение Флора Никитина было подозрительным: «он, Никитин, имеющийся тогда при нем вином всех их напоил допьяна, а сам мало де того пил» [3; 5].

Дальнейший рассказ преступников, которые стремились оправдать себя, представляя собой переду случайных событий. Так, все они подтверждали, что на следующий день отправились из Гаулавалы в местечко Сиговое устье, но не доходя до него одной весрыты «у шведского десяцкаго выпросились начевать» [3; 23] (братья Никитины называют его «шведским старостой» [3; 5—6]). Далее их путь лежал «в деревню в Ярьяри, растоянием от Сигаречного местечка в полуверсте...», где пришельцы остановились вновь «для шитья кавтанов» [3; 23]. Здесь они пробыли сутки: Савин Пиминов с братьями Никифоровыми шили «все обще два кавтана» и «над вечер пошли в другой дом, в котором... Фрол [Никитин. — Е. С.] работал». Последний, «купя вина», вновь «стал их поить, где напившись пьяны, ...пошли в лес» и ночью ограбили кирку [3; 6, 23].

Однако отдельные замечания рассказчиков рассказа в том, что они готовились к краже. Разузнав об имуществе, хранившемся в кирке от Савина Пиминова, Фрол Никитин и братья Никифоровы стали уговаривать его вступить в сделку — «чтоб он на все был с ними отважен», или, по крайней мере, «их в потребном случае не выдал» [3; 23]. Трое из четырех пойманных преступников — братья Никифоровы и Савин Пиминов — позже утверждали, что их товарищ — алозерец Фрол Никитин был «предводителем к воровству», так как именно он «начал всех их подговаривать, чтоб имеющуюся в том местечке кирку сигаречную пограбить» [3; 5].

Поздней ночью Фрол Никитин, Савин Пиминов, Григорий и Михаил Никифоровы пробрались лесом к кирке. Согласно свидетельству Григория Никифорова, Фрол Никитин стал действовать первым: «выставя окончину, вошел в кирку, за коим и он, Григорей, и Савин последовали». Снаружи — «не входя в ту кирку» — «остался стоять под... окошком» и сторожить остальных Михаил Никифоров. Преступники, «пришед в шакаст или олтарь», где стоял по словам Савина Пиминова — «сундук», а по свидетельству Григория Никифора — «коробейка», отомкнули крышку и забрали «по разным штукам» самые ценные вещи [3; 5 об., 23].

Той же ночью воры скрылись: лесом они добрались до местечка Киму наволок, где между ними, по всей видимости, произошла ссора [3; 5 об., 23]. Савин Пиминов вспоминал, что его товарищи, «вещи отнезьши в лес..., разделили по себе..., а ему-де Пиминову ис тех вещей ничего не дали, выговаривая при том, что когда они те вещи распродадут в России, тогда и часть ему денгами отдадут» [3; 23]. По его свидетельству, вчетвером они «шли... обще до российской границы», где «отстав от него... пошли неведомо куда». Сам Савин Пиминов не стал возвращаться домой, а жил «на шведской границе у обывателей, кормясь портным мастерством и черною работою недели з две» [3; 23].

Допросные речи братьев Никифоровых противоречили показаниям Савина Пиминова. Братья утверждали, что «Фрол и Савин, отдав всю объявленную посуду... для сохранения» им, ушли, в то время как они вернулись «в дома свои» [3; 5 об.—6].

Государственная граница со Шведским королевством: представления крестьян и позиция властей

Показания воров о их пребывании за рубежом позволяют сделать вывод о том, что государственная граница во второй половине XVIII в. воспринималась местными крестьянами как некий рубеж, образованный естественными преградами — реками и озерами, дремучими лесами и болотами. Его можно было легко пересечь на неконтролируемых властью участках — в каком-нибудь «лесном месте» или близ заброшенного кладбища. Детально изучив документы о деятельности в 1770-е гг. юшкозерской таможни, К. М. Агамирзоев подчеркивает, что крестьяне-коробейники, не без оснований опасаясь лихоимства и самоуправства служащих таможни, везли товары в Швецию «глухими» дорогами в ночное время [6; 103, 108]. В подтверждение, исследователь приводит цитаты из «ответов» главного смотрителя пограничной таможни Сергея Ушакова на жалобы крестьян Панозерского погоста [6; 107]. Обращение к тексту документа убеждает в том, что служитель сетовал на большие расстояния и непроходимые места: «в зимнее время снеги большие, леса глухие, а в летнее — за озерами, болотами и реками, по коим всюды пороги..., крестьянам во всяком месте уклонность и убежище сведомы» [5; 28].

Следует подчеркнуть, что обыватели достаточно свободно пересекали границу со Шведским королевством не только в Северной части Карелии, территория которой в административном отношении вплоть до 1784 г. составляла Лопскую Паданскую округу. Финляндский исследователь К. Катаяла подчеркнул, что в XVIII в., с присоединением к Российской империи территорий вокруг побережья Ладожского озера, Карельского перешейка с городами Выборгом, Кякисалми, Куркийоки и Сортавалой, контрабанда оставалась обычным явлением. Этому способствовала, по мнению автора, плохо налаженная охрана границы и до конца не разрушенные торговые связи жителей провинции Саво и территорий бывшего Кекгольмского лена, оставшихся под юрисдикцией шведской короны, с Сортавалой и местным крестьянством [9; 79, 81]. Ученый отметил, что во второй половине XVIII в. контрабандисты из Швеции везли в Сортавалу и Выборг караваны груженных преимущественно маслом повозок, которых в некоторых случаях насчитывалось до пятидесяти [9; 81].

Тем не менее во второй половине XVIII в. российские власти принимали меры по ужесточению контроля за пересечением обывателями государственной границы, в том числе в Северной Карелии. Так, вдоль рубежа Российской империи со Шведским королевством была организована разветвленная сеть застав и страж, перечень которых выявлен коллективом авторов — И. А. Черняковой, О. В. Черняковым, Е. В. Ляллей и А. М. Шредерсом [8]. Имея целью создать тематический раздел картографической базы данных, исследователи использовали современную цифровую векторную карту для реконструкции исторической карты, обнаруженной И. А. Черняковой в научно-исследовательском архиве Санкт-Петербургского института истории РАН и имеющей самоназвание: «Часть пограничной карты Российской империи с Шведским королевством, с показанием на оной таможен, застав и страж» [8]. Кarta датируется исследователями не ранее 1784 г. — не позднее 1802 г. Она снабжена легендой, послужившей основой для формирования в геоинформационной модели тематических слоев — «населенные пункты», «объекты пограничной службы», «дороги». Изучив «объекты пограничной службы», такие как «таможня», «заставы» и «стражи», авторы установили, что вдоль границы в изучаемом регионе стояли: таможня в Кимасозере; три заставы — возле деревень Понгемское Устье в Кольском уезде, Вокнаволок в Кемском уезде и возле деревни Кимасозero в Повенецком уезде; десять страж (небольших застав, имевших постоянный характер) — близ населенных пунктов Наргиев Двор, Войкула, Войница, Мартыева, Нишкозеро, Бабья Губа, Ровкула, Ребольский погост, Лендеры и Любосалма [8].

Наличие на карте таможни в Кимасозере заставляет полагать, что сведения для картографирования собирались значительно ранее 1784 г. Согласно свидетельствам крестьян Панозерского погоста, из Кимасозера таможня была перенесена в Юшкозеро около 1766 г. [5; 27 об.]. К. М. Агамирзоев отмечает, что юшкозерская таможня действовала до 1808 г., когда указом императора Александра I все таможенные учреждения на бывшей государственной границе со Швецией были ликвидированы [6; 111].

Кроме того, во второй половине XVIII в. местное сообщество было отстранено от выдачи особых «покормежных» писем «о проходе за швецкую границу» [2; 13]. Паданское камисарское правление рассмотрело присланное из олонецкой провинциальной канцелярии 11 июня 1774 г. предложение генерал-поручика Новгородской губернии Я. Е. Сиверса. Комиссару поручику Клементио Волкову вменялось в обязанность у «подчиненных ему погостов старост, соцких и десяцких» взять подписки «под наихесточайшим штрафом, дабы оне впредь покормежных... писем никому крестьяном мимо канцелярии не давали и присылали б о даче тем крестьяном печатных пашпортах в олонецкую правинциальную канцелярию и в Паданское камисарское правление, когда оное учреждено будет, доношения» [2; 13]. Крестьяне, получившие «печатные пашпорты», были обязаны «явится в Выборскую губернскую канцелярию для перевода на швецкой языке» [2; 13].

Жители Ребольского погоста очень хорошо знали о новом требовании получения паспортов для проезда за рубеж. Об этом позволяют судить показания вора Михаила Никифорова, утверждавшего, что он пребывал с братом Григорием «за шведской границой... з данным ему из олонецкой юшкозерской пограничной таможни для проходу во оную билетом» [3; 6]. Вероятно, вор мог слышать о новых правилах и даже исказить их. Это заставило канцелярию пригорода Паданска почти сразу отправить в феврале 1775 г. в таможню промеморию с требованием объяснить, «подлинно ль как оныя воры показывают, что им даны билеты для проходу в Швецию..., и естли окажетца в их показании справедливость, то почему она к даче тех билетов приступила» [3; 7].

Начало розыска:

письмо шведских властей к «мирским людям» Панозерского погоста

Из свидетельских показаний воров следует, что они не были уверены в том, что слухи о совершенной ими краже не дойдут до их деревень. Поэтому, стремясь избежать излишних вопросов родственников и соседей, опасаясь попасть под подозрение, братья Никифоровы спрятали все украденное в «мертвой» гробнице на кладбище, которое, с их слов, «имеетца в лесном месте» — в трех верстах «перешед... границу» [3; 5 об.], [2; 68]. Только после этого они пришли «в дома свои» и стали жить, не признаваясь в «том воровстве никому». Украдкой свиделся с родителями третий вор — Савин Пиминов. В последствии он сообщал, что приходил «для свидания отца и матери в дом ево, в деревню Лувозеро, где переначевав одну только ночь, не сказывая никому, что он был на... воровстве, пошел обратно за шведскою границу», где жил до праздника Апостолов Петра и Павла [3; 23].

Какое-то время — за отсутствием сведений о произошедшем — российские власти не предпринимали никаких действий к поимке преступников. Инициатором розыска выступила шведская сторона. Во второй половине июля 1774 г. старосте Панозерского погоста Агафону Митрофанову, а также крестьянам Петру Кенниеву и Потапу Ремшуеву из деревни Вокнаволок «шведской почтамской пакетмейстер» принес письмо. В письме, как свидетельствовал в дальнейшем на допросе Потап Ремшуев, предъявлялось требование к ним, «чтоб они дву незнаемых человек сыскали, у коих взять покраденные из шведской сигаречной кирки серебреной посуды и представили обратно во оную кирку» [3; 24]. В случае отказа от содействия в поимке преступников и возвращения имущества в кирку, шведские власти угрожали, что «ему и прочим крестьянам болие приезду туда [Швецию. — Е. С.] не будет же» [3; 24].

Требование поимки было адресовано непосредственно представителям локального сообщества — земскому старосте и крестьянам Панозерского погоста не случайно. Шведские власти были хорошо осведомлены о том, что многие из них приезжали в Швецию с «мелочным» товаром. Капитан Сергей Ушаков отмечал, что «заграничные торги имеют одни крестьяне, да и то почти все Панозерского погоста» [5; 29]. Именно через Панозерский и Ребольский погосты проходил торговый водный путь, описанный капитаном следующим образом: «от Куттозера мимо Юшкозера летнем временем Кемь рекою, коя простирается от устья Окияна моря, то есть от Кеми городка чрез деревни Пудуженья, Панозеро, Сабосолмы, Юшкозера, от той водою ж около Большого Куттозера, деревню Курми лахта, Сусь салма, Алозеро, Ухта, Ювелокша» [5; 29].

Сами «мирские люди» Панозерского погоста во главе со старостой Саввой Яковлевым в доношении, поданном в Паданское комиссарское правление в августе 1774 г., сообщали, что «для прекормления своего» ловят дичь и «отвозят к городу Архангельскому, в Весьегонскую и Олонецкого уезду на Шунскую ярманку, где продают на деньги и меняют на пенку, холст хрецевой и прочие мелочные товары, которые и привозят в дома свои» [5; 18 об.]. Они уточняли, что «из оных иные» товары «употребляют про домашние расходы, а другие продают своей браты крестьянам про домашне ж расходы, а которые привозят для отпуску за швецкую границу» [5; 18 об.]. Жалуясь на капитана Сергея Ушакова, якобы разрешившего им торговать только лаптями, крестьяне подчеркивали: «живем в Лопских погостах в самех холодных местах и ежели лишены будем и малых своих внутренних торжищков, то не токмо казенных податей платить, но и пропитания иметь не ис чего будет» [5; 20]. Таким образом, шведские власти, выставляя требования местным крестьянам, были уверены в скорой поимке ими воров.

Прямое обращение к локальному сообществу могло быть обусловлено желанием как можно более быстрого урегулирования конфликта. Паданское комиссарское правление было учреждено как раз во время рассмотрения житейской ситуации — в феврале 1774 г. и, вероятно, только приступало исполнению возложенных на него функций. Так или иначе, первые сведения о случившемся правление получило от комиссара поручика Клементия Волкова, приславшего свой рапорт в Паданск 7 августа 1774 г. Первый же обстоятельный рапорт по делу о краже и поимке воров от старости Погостской половины Ребольского погоста Ивана Фотиева поступил на рассмотрение только тринадцать дней спустя, когда крестьянам не удалось справиться с проблемой собственными силами.

Поимка воров и их бегство: позиция крестьянского сообщества

Дорожа связями со Швецией, крестьяне сразу же приступили к розыску преступников. Допросные речи Потапа Ремшуева позволяют уверенно утверждать, что как только ему и его товарищам стали известны имена возможных преступников и место их жительства, они дали об этом знать земскому старосте своего погоста Ивану Фотиеву. Последний явился в деревню Перти губа в дом братьев Никифоровых, «стал спрашивать их и бить немилостивно об оной покраденной посуды». Сами братья, «не стерпя... тех побоев», во всем повинились и «объявили ему, что оная посуда положена в... гробнице; почему взяв тот староста их и мирских людей, пришед на то кладбище, ту посуду из гробницы выняли» [3; 5 об.].

В тех же числах был пойман и Савин Пиминов, которого выдали братья Никифоровы. Страсто Иван Фотиев схватил его в деревне Алоозеро, куда тот отправился на церковный праздник Апостолов Петра и Павла — 26 июня 1774 г.

Как свидетельствовал староста, был пойман и четвертый вор — житель деревни Ювалаксы Фрол Никитин [2; 72]. Его дальнейшая судьба остается неизвестной. По всей видимости, ему удалось сбежать и на время скрыться. Первый указ о его поимке был составлен в Падан-ске только год спустя — 22 мая 1775 г. [4; 59].

Вместе с преступниками в сопровождении двух «караульных» — Сидора Иванова из деревни Вокнаволок и Харитона Герасимова из деревни Кетозера — староста отправился по тракту «в канцелярию пригорода Паданска» [3; 5 об.]. Однако воры вскоре сбежали. Первым ушел Савин Пиминов. В допросной речи, составленной позже, он рассказал о случившемся так: «отошёд... верст з десять выпросился у них для телесной нужды на сторону, кои ему в том и позволили, а сами пошли вперед, оставя ево одного; он же, имея удобной к уходу случай, от них... бежал» и «лесом пробрался за шведскую границу» [3; 23].

Затем улучил удобный момент Григорий Никифоров и его брат Михаил, который позже на допросе детально разъяснял: «следуя по тракту к пригороду Паданску, пришед для ночлегу тое же Кимосозерской половины в деревню Лувозеро в крестьянской дом, ис коего в ночное время брат ево Григорей, сняв с своей ноги железа, кои имелись быть велики, бежал, а он, следуя тем же трактом со оными проводниками, не доходя Ругозерского погоста деревни Тикши, от тех проводников таковым же образом бежал» [3; 6 об.—7].

Об имуществе, украденном из лютеранской кирки, воры, спасаясь от наказания, забыли и «оставили у... проводников, кои ону представили обратно в мир» — жителю деревни Вокнаволок Потапу Ремшоеву «с товарищи... под сохранение» [3; 22 об.].

Задержка с розыском воров привела к тому, что шведские власти выдвинули еще одно жесткое условие. Узнаем о нем из рапорта оказавшегося в здешних краях по долгу службы поручика Клементия Волкова, который сообщал в Паданское комиссарское правление: «шведские камандиры угроживают российских людей с тем, естли кто из России хотя кто б с ка-

кими товарами во Швецию будет для торгу, то с тех конечно за покраденныя... вещи пожитки их конфискованы, да и сами засажены будут в тюрьму, а ежели-де объявленныя покраденныя вещи возвращены будут, то российским людям во Швецию въезд свободной будет по-прежнему» [3; 22 об.].

Упустив воров и потеряв немало времени, представители локального сообщества поспешили сделать все зависящее от них. Желая возвратить как можно скорее церковное имущество в кирку, Потап Ремшоев обратился к приехавшему в их края для отвода земли «под строение таможенных покоев» комиссару поручику Клементию Волкову и, рассказав о случившемся, просил «оное серебро отдать им для относу во Швецию, чтоб им был свободной въезд» и «чтоб со Швециею о покраже того серебра не учинилось чего худаго» [2; 72] [5; 29 об.]. Комиссар поручик в присутствии заставного таможенного капрала Федора Осипова и солдата Мирона Иванова освидетельствовал краденое имущество и передал «с роспискою... крестьянам... для относу во Швецию» [3; 24—24 об.]. После чего Потап Ремшуев «отнес... тое посуду во Швецию Столдамскому пакетмейстеру» [3; 24 об.].

Поимка сбежавших воров силами крестьян

Паданское комиссарское правление санкционировало действия локального сообщества по поимке преступников. В частности, сотскому старосте «с мирскими людьми» вменялось в обязанность «накрепко сыскивать» беглецов «и по сыску отослать под крепким караулом скованных» в Паданск [3; 22 об.]. Имущество воров «за збегом и укрывательством их — движимое и недвижимое имение все без остатку» повелевалось «при старосте и посторонних людех описать, запечатав, отдать под сохранение старосте и десяцким впреть до указу с роспискою» [3; 22 об.].

Рассматривая действия Потапа Ремшуева «с товарищи» как самовольные, правление распорядилось, «не приемля от них никаких отговорок, к следствию прислать же за караулом немедленно» [3; 24]. На допрос Потап Ремшев прибыл 2 января 1775 г. Вместе с ним в Паданск приехал и один из «караульных», упустивших воров, — Харитон Герасимов из деревни Костумксы [3; 24—24 об.]. Действия Потапа Ремшуева власти одобрили. Однако Харитон Герасимов был наказан как и товарищ батогами «за несмотрение и неострожность», но привлечен к розыску: он получил «для сыскку означенного вора отверстой указ» [3; 25].

Как следует из допросных речей воров, каждый из них «лесом пробрался за шведскую границу» [3; 6—7, 23]. Вскоре братья Михаила и Григорий Никифоровы встретились и стали коритьсь «портным мастерством у разных тамошних швецких жителей» [3; 6]. Савин Пиминов, с его слов, «жил у обывателей, не сказывая, что он вор и бежавшей из своего отечества человек» [3; 6—7, 23]. Вскоре все они вернулись в свои деревни «для свидания родственников», где и были схвачены: Савин Пиминов — старостой Иваном Фотиевым между 7 и 27 ноября 1774 г.; братья Никифоровы — канцеляристом Андреем Рамановым «с мирскими людьми» к 6 февраля 1775 г. [3; 6, 23]. В Паданск канцелярист привез также явившегося к нему «самого собою... бывшаго проводника» жителя деревни Вокнаволока Сидора Иванова [3; 3].

Резолюция канцелярии и повторное бегство воров

Вскоре преступники были посажены в «тюремную избу, коя имеетца в доме государственного крестьянина Давыда Агафонова, отстоящей от канцелярии не болие пятидесяти сажен» [3; 29]. Однако в канцелярии долго не могли принять никакого решения о том, что с ними делать дальше. Тем не менее какое-то решение следовало принять. В канцелярии хорошо знали об императорском указе от 11 января 1763 г., повелевавшем «всех пойманных воров и

разбойников в тюрях и острогах под караулом болие месяца не держать... и дела решить непременно, ссытая от дня приводу таковых в судебное место в месец» [3; 26 об.].

Тем не менее, дело продвинулось только к 10 марта 1775 г., когда было получено предписание из олонецкой провинциальной канцелярии с повелением выслать все материалы дела и воров «под крепким караулом на главное разсмотрение и решение» в Олонец. К этому времени Савин Пиминов провел в тюрьме четыре, а братья Никифоровы — полтора месяца.

Канцелярии пригорода Паданска также вменялось в обязанность подготовить «из дела экстракт со мнением на основании законов» [3; 22]. Ссылаясь на отсутствие законов, канцелярия ограничилась подготовкой к 28 марта 1775 г. трех выписок из «Военного артикула», в котором были прописаны чрезвычайно жесткие меры наказания. Так, в одной из выписок приводилась цитата из артикула 104 главы 14 о том, что во взятых штурмом городах или крепостях никому не разрешалось «церкви, школы или иныя духовныя дома, шпитали без позволения и указу грабить или разбирать» за исключением тех случаев, когда «гарнизон или граждане во оном здачею медлить и великой вредчинить будут» [3; 26 об.]. Любого, нарушившего это требование, полагалось наказать как разбойника: «а именно лишен будет живота» [3; 26 об.]. Была сделана также выписка из артикула 186 той же главы: тех, кто «церкви или иныя святыя еста покрадет или у оных что насильно отъимет», ожидала суровая участь: «имеет быть лишен живота и тело ево на колесо положено» [3; 26 об.].

В третьей выписке были расписаны условия при которых «собственное признание» преступника можно было считать «лучшим свидетельством» (пункт 17 главы 2): если «в суде пред судьею учинено» и есть «такие доказательства, которые б могли быть достоверны и о правде не сумневатца» [3; 26 об.].

Пойманых воров было решено отправить в Олонец рано утром 29 марта. Однако в эту ночь Григорий и Михаил Никифоровы сбежали из-под караула во второй раз. Об обстоятельствах бегства стоявший на карауле солдат Козьма Софонов сообщал так: «на часы, он Софонов ставши же, имел над оными колодниками смотрение даже и до полуночи, кои все находились спящими, и в то время... воры Григорей и Михайла Никифоровы встали с своих мест и выпросились... для телесной нужды на двор, из них Михайла в сапогах, кафтане, а другой босой и без рубашки в однех портках» [3; 29]. Следом за ними солдат не пошел и воры этим воспользовались: открыли ворота и сбежали. Услышав скрип и увидев, что «дворовые ворота отперты», Козьма Софонов крикнул уже спавшим товарищам, «что оныя колодники ушли...», сам для поимки предреченных воров по лежащей из пригорода Паданска дороге к деревне Сондalom побежал, по коей и следовал верст пять, но однако их сыскать и застать не мог» [3; 29].

Когда в канцелярии стало известно о бегстве братьев Никифоровых, были составлены соответствующие грамоты для их поимки: указы — «ведомства здешней канцелярии ко всем погостным старостам»; промемории — в Петрозаводскую и Кексгольмскую комендантскую канцелярии, а также в Тивдинскую о мраморной ломке экспедицию; доношения — в Выборгскую и Архангелогородскую губернские канцелярии [3; 29]. Кроме того, «для сыску оных воров» готовили нарочного «с наставлением» [3; 29 об.]. Солдат Козьма Софонов «в разсуждение им неумышленного тех воров... ис под караула упущение» был наказан батоги и причислен «по прежнему к воинской команды» [3; 29 об.].

Братьям Никифоровым так и не удалось скрыться. Они были пойманы всего два дня спустя местными крестьянами. Григорий Никифоров, представший на допрос 4 апреля, рассказал о бегстве так: отперев ворота, они с братом «побежали в лес, по коему и пробрались за деревню Сондалу, за кою в ымеющейся не в дальнем расстоянии сенной зорот скрылись, где пробы-

ли болие половины дня» [3; 32]. Отдохнув здесь, братья «найденным ими в лесу камнем имеющиеся на ногах железа разбили и пробирались даже до Ругозерского погоста до деревни Тутузниеми прямо лесом», куда пришли «апреля 1 числа в вечернее время» [3; 32]. В целом они прошли расстояние в 130—150 км за два дня, подкрепляя свои силы «унесенным ис тюремных сеней... хлебом и взятою в лесу из ямы репою» (рис. 1). Подойдя к деревне Тутузниеми, «не стерпя от зазнобленных у... Михайлы ног... великой болезни», они вошли «в крестьянскую баню и только лишь успели вырубить для согретия себе огонь», как приметили в деревне «бывшаго тогда за указным исполнением Паданской канцелярии салдата Осипа Бунина» [3; 32]. Испугавшись, что «конечно оной салдат послан за ними в погоню», они «ис той бани вышли вон и побежали к состоящей в трех верстах от той деревни Тутузниеми... деревни Тикши» [3; 32]. По пути в деревню, «не доходя до оной полуверсты», они были схвачены старостой и крестьянами Ругозерского погоста, которые их связали и «отослали под крепким караулом» вместе с солдатом Осипом Буниным, оказавшимся в здешних местах [3; 32]. По прибытии в Паданск, воры были отосланы в олонецкую провинциальную канцелярию — теперь «в ножных и ручных железах за конвоем» вместе с солдатом из воинской команды Кондратом Хватовым [3; 32 об.].

Рисунок 1

Деревни Ребольского, Панозерского и Ругозерского погостов, с которыми связаны описываемые события

Источник: Картографическая справочно-информационная система «Генеральное межевание Олонецкой губернии». Планы генерального межевания Олонецкой губернии и Кемского уезда Архангельской губернии. Экономические примечания к планам генерального межевания (конец XVIII века) [Эл. ресурс]. URL: <http://maps.karelia.ru/mez/>

Украденное имущество: к вопросу о вере и языке

Перечень украденного из кирки имущества находим в допросных речах воров и рапорте комиссара поручика Клементия Волкова, которому «крестьянин Потап Ремшев.... и протчия крестьяня... представили» все вещи «с роспискою» [3; 24—24 об.].

Воры вынесли из кирки семь серебряных изделий. В списке первым значился сосуд, «в камковом теле Христово совершают». Савин Пиминов и братья Никифоровы использовали для его обозначения слово «кулган» или «кулгал» (от фин. «kulho» — «чаша»). Второй в перечне была емкость, из которой, как указывали братья Никифоровы, «воду во время служения употребляют» [3; 5 об.]. Братья назвали эту емкость «корчиком», Савин Пиминов не мог дать ей определения, указав только вес — «з четверть фунта» [3; 23]. В рапорте комиссара поручика Клементия Волкова емкость была описана как «кулган с крышкою на четырех ношках» [3; 22 об.].

Также были украдены «две лошки», «торелочка маленкая», «подсвечник, в которой становитца три свечи» (в рапорте комиссара уточнялось: «в нем весу три фунта с половиною»), «колоколчик» (в рапорте комиссара уточнялось: «маленкой без язычка») [3; 5 об.—6, 23]. Кроме того, Савин Пиминов и братья Никифоровы назвали «маленкой стоканчик», который в списке Клементия Волкова не был упомянут. Помимо серебряной посуды, воры похитили из коробки ткань — «холстины» — «тонкой широкой четыре аршина с половиною» [3; 5 об.—6, 23].

Свидетельства воров и крестьян, представивших украденные вещи для освидетельствования Клементию Волкову, позволяют предположить, что представители локального сообщества, отправлявшиеся в Швецию, если и не захаживали в лютеранские храмы, то были знакомы с теми обрядами, которые совершались в нем.

Выводы

Во второй половине XVIII в. представители локального сообщества Северной Карелии достаточно свободно пересекали государственную границу. Материалы дела позволяют сделать вывод в том, что жителей российско-шведского приграничья объединяли тесные экономические и культурные связи. Многие крестьяне приграничных Панозерского и Ребольского погостов, в жизни которых торговля занимала первостепенное место, везли в Швецию товары с российских ярмарок и городов. Некоторые бывали за рубежом на заработках. Жители приграничных погостов говорили на понятном для «шведских обывателей» и «шведских командиров» языке и были, по всей видимости, хорошо знакомы с лютеранским вероучением. По ту сторону границы они находили приют не только в домах крестьян, но также лиц, наделенных определенными властными полномочиями — солдат и старост. Однако несмотря на тесные контакты, крестьяне возвращались домой и сохраняли веру.

Как справедливо отметил Ю. Н. Беспятых, местное сообщество с давних пор играло первостепенную роль в сохранении мира и порядка в приграничье. Внимательно изучив документацию о крестьянских перемириях на северной границе в начале XVIII в., переписку между губернатором Улеаборга и Каяни с русским губернатором в Петрозаводске относительно возможности заключения локального мира в приграничных районах в конце 1780-х гг., учёный пришел к выводу о том, что «традиция мирных взаимоотношений приграничного населения сопредельных стран» не прерывалась во время войн [7; 57]. Исследователь подчеркнул, что инициатива постоянно исходила от местного населения, в жизни которого «земледелие носило лишь вспомогательный характер и издавна значительное место занимала

торговля, и большая часть жителей Лопских погостов и Карельского Поморья занималась ремеслами и промыслами» [7; 51].

Изучение обстоятельств поимки преступников убеждает в том, что заинтересованность местных крестьян в сохранении добрососедских отношений со Швецией и торговых связей, способствовала урегулированию конфликтных ситуаций не только в военное, но и в мирное время. Житейская ситуация разбиралась при прямом содействии локального сообщества через его наиболее влиятельных представителей, — зажиточных и ведших торговлю крестьян и земских старост. Канцелярия пригорода Паданска в дальнейшем санкционировала их действия и наделила властными полномочиями.

Тем не менее, шедшие из глубины веков традиции земского самоуправления и связанные с ними привилегии во второй половине XVIII в. — с учреждением таможни и Паданского комиссарского правления — стали в значительной степени ущемляться властями, которые во все большей степени стремились контролировать ситуацию в приграничье.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

Национальный архив Республики Карелия

Ф. 652. Канцелярия пригорода Паданска (1774—1796 гг.)

1. 1774, февраля 21 — сентября 15. — Журнал присутствия Паданского комиссарского правления // Оп. 1. Д. 1/5. 42 л.
 2. 1774, ноября 28 — мая 31. — Протоколы Канцелярии пригорода Паданска // Оп. 3. Д. 1/2. 163 л.
 3. 1774, декабря 10. — 1775, декабря 31. — Протоколы Канцелярии пригорода Паданска // Оп. 1. Д. 3/39. 192 л.
 4. 1775, марта 28 — мая 22. — Дело о краже крестьянами Ребольского погоста деревни Пертигубы Григорием и Михайлой Никифоровыми и деревни Лувозеро Савином Пиминовым серебряной посуды из шведской Сигаречной кирки в 1774 г. // Оп. 1. Д. 4/60. 66 л.
 5. 1774, мая 23. — 1775, января 22. — Дело по жалобе старосты и крестьян Панозерского погоста на главного смотрителя Юшкозерской пограничной таможни капитана Сергея Ушакова в причинении крестьянам обид, разорения и в незаконном взимании с них таможенных сборов за внутренние товары // Оп. 3. Д. 1/1. 54 л.

Литература

6. Агамирзоев К. М Противостояние Юшкозерской таможни и крестьян-коробейников во второй половине XVIII века // Таможенные чтения—2012. Россия в меняющемся мире: вызовы и возможности: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Т. 1. СПб., 2012. С. 99—110
 7. Бесиятых Ю. Н. «Крестьянское перемирие» и пограничная торговля между северными районами России и шведской Финляндии в начале XVIII века // Скандинавский сборник. Вып. XXV. Таллин, 1980, С. 50—57.

Чернякова И. А. и др. Опыт использования технологий ГИС для создания электронной тематической карты «Северо-Западное Российское приграничье в XVIII веке» на базе старых картографических произведений / И. А. Чернякова, Е. В. Лялля, О. В. Черняков, А. М. Шредерс // Журнал публикаций и отчетов ИЛАМИК [Электронный ресурс]. № 1—2. 2006. URL: http://illmik.petsu.ru/news/New_Results/D43E4DC5-894E-402D-85AC-8D782656E280.html (25.01.2015).

8. *Katajala K.* Cross-Border Trade in Karelia from the Middle Ages to the October Revolution 1917 / The Flexible Frontier: Change and Continuity Finnish-Russian Relations / Ed. By M. Lähteenmäki. Helsinki: University of Helsinki, 2007. P. 70—87.

